

16+

ПРОЩАЙ, ПОТОНИ!

ВИКТОР ЛЕМКЕ

Виктор Лемке

Прощай, Плутон!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66957158

SelfPub; 2021

Аннотация

Нас в комнате было трое. На кушетке около книжного столика лежал я. На полу валялся Боб. На единственном большом диване в комнате разлегся Дэн. Путевки на Плутон были уже куплены. Секунды до старта.

Содержание

Глава 1. Поехали	4
Глава 2. Сердце тьмы	9
Глава 3. В погоне за своими тенями	13
Глава 4. Доброе утро, Плутон!	18
Глава 5. Туз Червей	21
Глава 6. Утомленные солнца	26
Глава 7. Белый дом	31
Глава 8. Клон Бога	36
Глава 9. Велком ту зе Тартар	40
Глава 10. Станция	44
Глава 11. Паровоз до рая	50
Глава 12. Финита ля трагедия	56

Виктор Лемке

Прощай, Плутон!

Глава 1. Поехали

Нас в комнате было трое. На кушетке около книжного столика лежал я. На полу валялся Боб. На единственном большом диване в комнате разлегся Дэн. Путевки на Плутон были уже куплены. Секунды до старта. Зрачки наготове. 3, 2, 1...

У Боба пошла пена изо рта. Посадка прошла успешно? Каждый из нас уже на Плуtone? Нос уловил дуновение легкого бриза. Бетон разошелся на все четыре стороны света, показав горизонты пурпурных скал. Я дотянулся до столика, взяв блокнот и ручку. Начиная свои почеркушки, я невольно заметил, что руки стали легче пуха. Да, мы на месте. Уходя, стены прокричали, что еще вернутся и чтобы мы долго не гуляли по Плуtoneу без мармелада. Слышу хрипы с пола. Боб прощался со стенами. На Плуtone осенью мрачновато. Но местами яркие лучи далекого желтого шара озаряют глубинные раны местного ландшафта, создавая потрясающие извилистые узоры. Передо мной пробежал огромный человек, на фоне горизонта он казался исполином. Хотя я уверен, если бы он подошел поближе ко мне, то оказался бы размером

со среднестатистического карлика. Дэн так еще ни разу не пошевелился и не подал голоса. Вероятно, посадка для него была жесткой. Вывод один, это значит, что мы потерялись. Обернувшись, я обнаружил, что остался совсем один. Я понял это, когда в ответ на мой окрик я услышал только свое эхо. Столько раз покупали билеты на Плутон, и никогда не было подобных проблем.

На Плуtone не стоит кричать – закладывает уши. Широко раскрыв рот, можно попытаться зевнуть, тогда заложенность в ушах немного отступает. Это хороший прием, запомните его. Никого не было видно поблизости, я несколько раз окликнул друзей, но услышал в ответ приглушенное хихиканье. Единственное место, куда мы все могли пойти, это был городок Плутон Сити. Его можно узнать с первого взгляда даже издали, все дело в том, что он окутан легкой пурпурной дымкой и виден из любой точки Плутона.

Милый мерзкий городишко, где такие же космонавты, как мы собирались в стаи, чтобы помечтать о потерянных днях. Это был единственный островок цивилизации, представляющий собой феерическую смесь мусора, грязи и человеческой расы. Забавно, конечно, но этот город был действительно единственным на всем Плуtone, остальное все степи да пустыни с редкими вкраплениями заброшенных никому не нужных железнодорожных станций. Окруженный безжизненной пустошью, Плутон сам уже давно источал сияние сгнившей звезды. На каждой из многочисленных улиц лежа-

ли, сидели, ползали те, для кого Плутон стал Меккой нового миллениума. Таких было много, людей нового времени, людей времени потребления. Тут философ кричавший о смерти капитализма, тут монах застреливший марксиста. Всем есть места. Были бы билеты.

Локации, конечно, здесь были легендарные: например, огромный фонтан на центральной площади, получивший прозвище «ректальный», просто космонавты не гнушались справлять в него любую свою нужду. Один гигантский толчок на город. Батальоны срущих ублюдков, по колено стоящих в собственной моче и дерьме. Поэтому такое место вы уже точно никогда не забудете. Те же, кто первый раз сюда попал, обычно останавливались у огромного белого дома, у которого нет ни окон, ни дверей. И так и стоят около него, пытаясь понять, как же туда попасть, до самого момента отлета с Плутона. Новичков сразу видно, их первый приход на Плутон всегда одинаковый, интересно, напишет когда-нибудь какой-нибудь умный химик диссертацию на эту тему... Но неважно, абсолютно всегда рой первоприбывших вьется возле этого домика.

В соседние развалины католической церкви никто не заходит. И с каждым днем она погружается в землю Плутона все глубже и глубже. На главной улице раскинулся маленький амфитеатр, который привлекал всех своей пустой ареной. Удивительно, но люди туда частенько ходят. Я не понимаю до сих пор, зачем они кричат на пустой арене, возмож-

но, они ждут гладиаторов, но этого никогда не происходит, никто не появляется и не выходит оттуда, а возможно, толпа просто громко ждет приближающегося безумия. На востоке виднеются кривые минареты и башенки с уродливыми синими крышами. Над теми местами словно висела неоновая пелена. Еле-еле видимая, но чем-то до глубины души пугающая.

Но самым любимым местом паломников на Плутоне был огромный коричневый камень, стоявший посередине площади в самом центре города. Космонавты регулярно откалывали от него маленькие кусочки на память, но чудеса были в том, что он не уменьшался, а с каждым новым визитером на Плутон только увеличивался.

Районы городка делились очень просто. Северный район назывался районом Памяти. Южный был районом Фонтана, запад был районом Нечистот, восток был районом Безглазых змей. С востока никто не возвращался. Может, там так хорошо, что нет повода вернуться? Не знаю, пока проверять не хочу. Станным образом Плутон Сити напоминает нечто среднее между бойким мексиканским городком и католическим кладбищем. Но одно можно было сказать точно: ходить по нему без компании друзей было чертовски неприятно. Город меланхолично разваливался и гнил. Я ловлю себя на мысли, что до сих пор пытаюсь писать в блокнот свои впечатления и воспоминания о Плутон Сити.

Сегодняшний путь в город был неблизкий, но радовал

тот факт, что пустыня была позади. Это меня веселило до появления нервного тика в левом глазу. Нижнее веко яростно отплясывало ламбаду. Идти стало даже немного легче. На горизонте появилась маячащая огненная пурпурная пелена, это значит, что я приближаюсь к цели. Позади остался, восход черной луны и ее мрачного клона.

Глава 2. Сердце тьмы

Я считаю, что с каждым человеком в жизни должно произойти какое-нибудь настолько удивительное событие, которое на всей его дальнейшей жизни оставит неизгладимый отпечаток. Такая история, о которой ты будешь рассказывать много лет подряд или никогда не захочешь больше вспоминать, стараясь стереть ее из памяти. Хотя, как оказалась, вся моя жизнь – это череда таких мучительных событий и историй, которые стереть из памяти я не могу, хотя в глубинном подсознании я бы давно уже избавился от этих воспоминаний, пристрелил и закопал, не моргнув и глазом. Например, всю мою жизнь меня окружает тьма.

Был теплый и влажный август, близилась ночь. Гроза ушла на юг, оставив за собой реки грязи и дерьма на проселочных дорогах. На даче больше нет фонарей. Дороговато это выходит и бла-бла-бла. Наверное, это даже к лучшему. Их все равно бы разбили. Я бы разбил с друзьями. Так коротать летние ночи веселее. Выглянув в окно, я особенного ничего не заметил, кроме тихо крадущегося тумана. Обычная ночь в августе. Я вышел на улицу почти в двенадцать ночи. И, конечно же, августовская ночь была, как всегда, прекрасна и свежа, хотя, постоянно засиживаясь за компьютером в городе, это перестаешь ощущать. Ночь всегда нежна.

В августе всегда ночи темные, и к этому быстро при-

выкаешь. Но то, что случилось в ту ночь, я не забуду никогда. Пока я шел, вокруг меня сгущалась темнота. Я и понять не успел, как оказался просто в крошечном мраке. Выключи свет ночью и закрой глаза – именно такая тьма окружила меня. Трудно верить в то, что не видел сам. Но еще труднее верить своим глазам, которые видят тьму. Нет, я не ослеп. Тусклый холодный свет от подсветки смартфона практически никак не помог, было такое ощущение, что он только раздражал эту тьму, которая словно съеживалась от этого маленького технического огонька. Свет словно давал мне понять, что тьму можно потрогать, что она, как субстанция. Доказав себе, что я не ослеп, и осветив какие-то фрагменты дороги под ногами, я все же решил отправиться дальше. Маленький, даже скорее крошечный участок света и тьма вокруг, очень мило, не правда ли. Но это еще милее, когда забываешь зарядить телефон перед выходом из дома. Свет погас, и снова со мной осталась одна лишь тьма. Обняла своей прохладной нежностью.

И вот, недавно выйдя из дома чистеньким и бодреньким, ты ползешь обратно в полной тьме, собирая абсолютно всю грязь с дорог. Когда ты тащишься, то чувствуешь, как тьма обволакивает тебя, щекочет, стремится залезть в твое нутро через ноздри. Истинная беспросветная ночь. И наконец, вваливаешься домой как последняя пьяная скотина, провалявшаяся всю ночь в соседней канаве. Включаешь весь свет, который только есть, и только тогда тьма отпуска-

ет тебя. Но о чем это я, на Плутоне частенько бывает, что любые воспоминания сами настигают космонавтов, пугают или преследуют. Благо в Плутон Сити яркий свет и цвет почти везде. Даже когда закрываешь глаза или моргаешь, ничего не меняется! Это здорово, забыть про сон и про ночь, про тьму, этот город – спасение для таких, как я. Никакой тьмы пока совершил приход на Плутон. Только свет, цвет и повышенная яркость. Никакой тьмы! НИКАКОЙ! Поэтому я люблю Плутон.

Кровь с молоком плюс сопливое желе – нытье донеслось откуда-то с пола. Значит, Боб также отправился в Плутон Сити. Так мне показалась. Скоро мы увидимся, осталось только найти Дэна. Еще одна страница блокнота изуродована моими кривыми линиями и причудливыми символами. Я постепенно приближался к долгожданному и мистическому городу. Дрожь в коленках символизировала о том, что атмосфера Плутона давит изнутри. Говорят, чем чаще будешь покупать билетик на Плутон, тем легче перенесешь следующее путешествие. Это уже мой пятый приход на Плутон, но с каждым разом ощущения все хуже и хуже. Не надо верить слухам которые распространяют продавцы билетиков.

У входа в город стоят огромные каменные старинные ворота. Их называют воротами Зверя. Просто на самой вершине арки в кривой позе застыл огромный мраморный волк. Его взгляд устремлен вверх и режет небеса. Кто, когда и зачем установил его тут, неизвестно. Говорят, что однажды

кто-то их опытных космонавтов попытался залезть наверх и посмотреть в глаза зверю, но, как только приблизился к его голове, моментально сорвался вниз и умер с улыбкой на бледном лице. Слухи. Плутон Сити построен из слухов.

Глава 3. В погоне за своими тенями

Ну вот я и на месте. На левой стороне главной улицы Плутон Сити виднелась лишь одна огромная вывеска. Past Perfect. Эта шарашкина конторка продавала воспоминания. На Плуtone это ценится. Хочешь – добрые воспоминания, хочешь – злые, а хочешь – *tabula rasa*. Меню, конечно, стандартное и до боли шаблонное, в основном они торгуют выкапыванием трупов. Ну или первой любовью. Пожалуй, ее берут больше всего. Я тоже брал. Часик с одноклассницей, где она разрешила мне пошалить языком в ее лакомом местечке. Отдаешь кусочек себя, и воспоминания нахлынут, как цунами, успевай только сопли и слезы вытирать или улыбаться, да хрюкать. По правую сторону находилось самое известное питейное заведение Плутона, бар с креативным названием «Бар», который больше напоминал блевотную забегаловку времен развитого социализма. На входе уютным комочком лежал и дергался в конвульсиях какой-то оборванец. Как только под ним растеклась желтая лужица, несчастный выдал на своих устах довольную улыбку маленького ребенка, завернутого в теплое одеяльце. Судя по зрачкам, Плутон его скоро отпустит, интересно, сколько билетов он купил, чтобы так себя чувствовать...

На Плуtone есть только один напиток – *slobber*, его пьют абсолютно все, кто прибыл сюда. Других вариантов,

увы, нет и не предвидится. Все пьют его взахлеб, улыбаясь и чмокая от удовольствия. Главное, не захлебнуться. Плутон также опасен тем, что, пока ты гоняешься за своими тенями, нередко оказывается так, что тени прошлого догоняют тебя. В соседнем углу промелькнула тень балерины, разбившаяся об луч света, огромный танк переехал барную стойку и исчез в блеске качающейся люстры. В баре было пусто, только тени мелькали, прыгали, бесились в неистовом и яростном вертепе. Одиноким бармен вытирал ладонью разбитые стаканы. Каждый раз, когда его рука напарывалась на острый осколок, он весело и нервно вскрикивал. Увидев меня, он сказал, что мадам Милена ждет в соседнем зале и приглашает меня присоединиться к ее трапезе. Друзей моих тут не было, и это было подозрительно, зато генератор местного зла ожидала в своем убежище. Зачем? Нужно пойти узнать, отказываться от приглашения на Плуtone не принято.

Я зашел в соседний зал, где передо мной предстала настоящая мерзость. В центре комнаты восседала одна из самых первых космонавтов, кто прилетел на Плутон еще в середине века. Ее маленький ручной зверек вперил в меня свои зеленные глазки. Мадам Милена так же мрачно уставилась на меня. Лицо у нее было озлобленное, уставшее. Потасканная шляха бальзаковского возраста и то выглядит лучше. Нос был с дугообразной горбинкой, поэтому его хотелось отломить. Впалые черные глаза прорезали меня насквозь. Обвисшая морщинистая кожа, казалось, жила своей собствен-

ной богохульной жизнью. Под ее ногами что-то чавкало. Как я понял, месячные она в себе не держала. Маленький четырехлапый упырь, который все время крутился рядом с нею, подставил под стул железный тазик, предвкушая будущий пир. Милена прохрипела песенку о том, что мои друзья сюда не придут, а Боба видели возле большого камня, ну и про Дэна она ничего не знает. Я не просил у нее помощи в поисках, но все равно приятно, что эта тварь хотя бы помогла мне советом. Упырь начал пить из тазика. Я убежал прочь. На поиски Боба

На улице начинался парад мертвеца во славу святой Смерти. Такое происходит часто, многие прилетают на Плутон и разбиваются. По улицам шла процессия в разнообразных цветных масках. Выкрикивая и насвистывая веселые молитвы о погибших космонавтах, они тащили на себе вытянутый металлический ящик. В нем лежало нечто уже не человеческое, оно билось в конвульсиях, пытаясь трястись в такт запевам толпы. Еще с нами, но уже за гранью

Прошлое на Плуtone – предмет яростных споров. Большинству нравится, что забытыми воспоминаниями торгуют за гроши. Для них это закономерность. Я же придерживаюсь другой философии, для меня прошлое – это огромный пазл за твоей спиной, оглядываться на него можно, но поворачиваться лицом нельзя. Тот, кто пытается сохранить весь пазл, уже не воспринимает будущее, ибо просто у него нет места для новых деталей. Прошлое как пепел должно улететь, как

настоящий тлен исчезнуть с малейшим дуновением нового свежего ветра. Разрывая ненужные кусочки пазлов, стирая людей, друзей и прочее ненужное барахло из памяти, безжалостная как сама святая Смерть, и ее младшая сестричка Амнезия, она как часы работает на Плуtone. Новое время, новый мир, новые правила и воспоминания. Ну, а те, кто торгуют старыми пазлами, наживаются на желании вернуться в уже обманутый мир лжи и забвения. Пусть еще разок пошалить языком и было и весело. Ветер сдует пепел.

Прошлое на Плуtone покупается ради того, чтобы еще и вернуться в солнечное детство, где яркие лучи солнца светят нам в глаза со всех четырех сторон света. Единственное, что из прошлого нельзя купить, это запах. На Плуtone ты никогда не почувствуешь запаха молодой скошенной травы или запаха осенних улиц твоего города, где ты с друзьями гулял, не замечая хода времен. Тут воняет только гнилью или вкусовыми галлюцинациями. Последние, говорят, наиболее опасны, ибо явственно сигнализируют, что вы слишком долго находитесь на Плуtone и Плутон вас не отпускает обратно. Риск что ваш гром пронесут по улицам с танцами и песнями возрастает.

Плутон особое место. Для всех и каждого. Тут прошлое стирает все и вся, таков закон жизни. Беги вперед, только вперед. Тропа перед тобой. Беги как сумасшедший, не обращайся назад, и перед тобой уже дорога, беги что есть силы, сотрясая своим дыханием горы. Не поддавайся искуше-

нию думать, что в прошлом ты мог бы что-то изменить. Влюбить кого-то в себя, вернуть мгновения, послать на три буквы обидчиков. Этого не будет. На Плутоне ты хорошо понимаешь, что этого не вернуть. Беги, беги так, чтобы само прошлое смотрело тебе вслед, беги, стирая ноги в кровь, и вот уже перед тобой целое шоссе. Говорят, это шоссе ведет в никуда. У кого нет прошлого, у того нет будущего. Плюнь в лицо тому дураку, сказавшему тебе такое. Ты убежишь и от него. Когда ты бежишь в никуда, то и терять тебе не чего. Думай не о прошлом, думай о том, как далеко ты сможешь бежать. Новое время, новый век, новая жизнь, на Плутоне можно только так... иначе рискуешь не вернуться. Маневрируй, продумывай свой ход на шаг вперед. Будь беспощаден к тем, кто остался позади. Тот, кто смотрит назад, споткнется, не увидев, что впереди. Беги, не зная усталости. Беги, и может, одна из дорог приведет тебя вновь на Плутон. Беги.

Глава 4. Доброе утро, Плутон!

Такого с нами еще не бывало. Сыны фортуны облажались. Все предыдущие полеты на Плутон мы держались вместе, и все заканчивалось хорошо, мы как часы возвращались обратно строго по отведенному времени действия билета. А сейчас все словно провалилось в нору крота. Меня начинает нервировать эта ситуация. Новые дерганые заметки в блокнот.

Я, порядком подустав, вышел на Блевантин-штрассе. Свою ошибку я осознал слишком поздно. Рвота по улице уже текла рекой. Поймал себя на страшной мысли, что если бы я был в закрытом помещении, то уже давно утонул бы. Я закрыл глаза от боли. Начались судороги и спазмы в области души. За спиной раздалось хрюканье. Я пересилил пляску мучений и оглянулся. Передо мной стоял свиноподобный толстяк с лицом взрослого имбецила, с его опухших губ стекали слюни, он улыбался. Да, это был он. Дитя окраин, так его звали. Это он продал нам сегодняшние билеты на Плутон. Он ковырялся зубочисткой в зубах так, словно там были огромные черные туннели прямоком в гнилые десна, и зубочистка почти под корень проходила внутрь, выскребывая наружу беловатые комочки. Было мерзко, но захотелось жрать. Правда, на Плуtone не едят. Только по возвращении обратно можно набить брюхо остатками из холодильника. В

памяти тут же всплыла мысль, что перед групповым отлетом на Плутон мы закупились тремя пакетами жратвы. Но так же отчетливо я понимал, что Плутон не отпустит домой еще долго, так что мысли о еде надо гнать прочь. Я хотел спросить у него, что произошло и почему билеты раскидали нас в разные места. Но он начал отплясывать дикий танец порванных мышц и раздробленных суставов. Подбежавшая толпа цинично схватила Дитя окраин. Людская масса, появившаяся из ниоткуда, в мгновение око подхватила его желеобразное тело и, запихнув в металлический ящик, унеслась прочь. Праздновать и кричать про свой очередной смрадный парад мертвецов.

– Не разрывайте цепочку! Вместе пришли, вместе уйдете! Только так и никак не иначе! – Дитя окраин на прощание помахал мне рукой из ящика, себе он, как оказалось, взял билет в один конец. Печаль была секундной. Грудная клетка вновь набухла от набранного воздуха. Поднявшись с теплой и влажной земли, я черкнул в блокнот несколько кривых линий. Думаю, он имел в виду цепочку путешествия, трое пришли на Плутон, трое и должны уйти...

Всю жизнь, оборачиваясь в предвкушении злого рока, особой миссии судьбы, я пропускал слишком много важного. С детства поняв то, что многие судьбы связаны на века, ты живешь в надежде на свой великий поступок, в сердце грея обычную серую бесперспективную массу. На Плуtone нельзя думать о вечном, иначе вечное медленно поглотит те-

бя и никогда больше не отпустит. Здесь порывать с этим надо решительно и беспощадно. Рвать его на куски, словно фотографии и письма. Спускать остатки мечтаний в мусоропровод. Говорят, помнить прошлое это большое благо человечества. Мне все равно, я забываю его, стираю воспоминания о ненужном. О зле, о трусости и предательствах и, конечно же, о глупых детских подвигах.

– Все в нашей голове! – неожиданно сказал проходивший мимо меня очередной космонавт, его скафандр блестел на фоне мрачного переливающегося неба Плутона. Он словно светился изнутри.

Был ли это знак или просто очередное скучное событие на моем пути, я уже и думать про это не хотел. Как только светящийся космонавт исчез из виду, вдалеке я увидел силуэт Боба. Он быстро удалился в район, где у улиц нет имен. Я побежал за ним. Глиняные коробки сменялись бетонными исполинами, уходившими далеко в небеса, потом были стеклянные фасады, потом вновь маленькие глиняные лачуги. Я бежал за ним, наверное, целую вечность.

Глава 5. Туз Червей

Усталость на Плуtone чувствуется исключительно в ногах. Они ноют и требуют всяческих растираний. Иногда кажется, что ногти на ногах открываются, как рты, они стонут о холодной ванне и мягком полотенце. Но таких услуг на Плуtone не предусмотрено. Многие космонавты пытаются схитрить, отправляясь на Плутон держа ноги в тазаках. Но это не поможет. Поэтому приходится усилием воли заставлять свои ноги идти дальше

Даже когда я попал на Плутон во второй раз, у меня все равно была некоторая растерянность. Большой белый дом меня, к счастью, уже не привлекал, зато другие кварталы домов таили для меня страшную неизвестную загадку. Я не хотел идти в город, я думал, что опасность таится за каждым углом, в пустых окнах. Окна меня всегда пугали, особенно пустые и темные. И я знал с детства, с далеких босых лет, что там что-то есть, что-то затаилось и ждало меня. Люди не боятся темноты, они боятся того, кто в темноте их ждет ковыряясь когтям в клыках. Я знаю, что меня ждет сама Тьма. До сих пор я с опаской смотрю в пустые окна кварталов Плутон Сити. Там нет жизни, единственные места, где нет света... там просто мрачная пустота. Пустота – вот связующее слово, пустота объединяет всех тех, кто купил билеты на Плутон.

У моего сердца есть предательская особенность – оно

затрудняет мне дыхание. На Плутоне и так дышать тяжелова-то. После очередного приступа сердечной мышцы мне пришлось делать тяжелые вздохи. Уши опять заложило. Зевать приходилось ежесекундно. Но это не мешало делать мои записи в блокнот. Я, наверное, уже исписал страниц двадцать, на удивление хорошо идет это дело.

Я снова увидел промелькнувшего под маленькой кривой аркой Боба. Над городом раздался гогот странного звенящего смеха. Я решил больше не бежать за ним, а обмануть, свернув на параллельную улицу. Когда я выбежал на небольшой перекресток, мне не пришлось долго ждать потерянного друга, через секунду он появился из-за угла обшарпанного розового дома.

И вот передо мной стоял Боб. Глаза его были прикрыты, из носа текли два алых ручейка. Он мне улыбнулся, скаля обмазанные кровью зубы. Давно не виделись, приятель! Странно, но в этот раз он почти не разговаривал, просто плевался кровавой пеной изо рта, когда пытался мне что-то сказать. Хотя мне это не мешало понимать его мысли. Я объяснил ему, что нам пора искать нашего друга, что мы потерялись, что с билетами было что-то не так. Вернуться домой мы можем только втроем. Либо все, либо никто. По крайней мере, я так думаю. Боб одобрительно кивнул, разбрызгав на одежду свои алые слюни, и мы отправились в одно неприятное местечко, где нам могли помочь, к так называемому Тузу Червей.

Дорога в этот раз была недолгой, мы быстро проскочили с десятков одинаковых желтых домов, словно копирующих зубы из челюсти курящего человека. Было не по себе, казалось, что за нами кто-то следит из черных дырок напоминавших кариес. Хотя это было действительно так. На Плутоне всегда чувствуешь присутствие кого-то незримого, кто как будто стоит за твоей спиной, все видит и все палит. Некий Смотрящий за космонавтами. Любимая байка плутоновских космонавтов, это то, что одному из их очень хороших друзей однажды удалось встретить Смотрящего. Правда, космонавту не удалось вернуться назад и т.д. и т.п. Чертовы байки, не верьте легендам, верьте своим глазам.

Туз Червей жил в своем собственном особняке, огромном металлическом доме в викторианском стиле. Зажатый между желтыми домишками он выглядел внушительно. Кое-где правда металлическая краска уже начала шелушиться и слезать. Над личной крепостью Туза витал зеленоватый смрад. Придется перетерпеть отвращение. Идти внутрь не хотелось, но за любую помощь в поисках друга надо платить. Туз Червей считался на Плутоне некой палочкой-выручалочкой, к нему можно было попасть только один раз и сыграть с ним смертельную игру. Победишь – он поможет, проиграешь... Что происходит с проигравшими, никто не знал. Проигравшие оттуда не выходят поделиться впечатлениями. Но и победа – это не гарантия, что он поможет, на Плутоне нельзя никому доверять.

Белоснежный коридор, заставленный античными статуями и бюстками с уродливыми и кривыми лицами давно забытых божков, вел к большой дубовой двери, на которой был прикреплен огромный медный щит. На нем была надпись на латыни: «*Verum in bellum*». Говорят, Туз Червей посланец самого Смотрящего. Но, как я уже говорил, не верьте тому, что здесь говорят!

Мы вошли в слабо освещенную овальную комнату. За круглым столом сидел хозяин. На потолке тихо вертелся вентилятор, разгоняя сигаретный кумар. У Туза Червей не было лица, там было просто сгусток морщинистой кожи. Откуда взяться сигаретному дыму, непонятно, не хочу знать, как этот урод курит. Мы присели за стол.

Туз Червей достал колоду карт. Против него играло двое. А значит, шансы получить ответ на вопрос были 36 к 2. Всего-навсего вытащи туз червей, и ничего лишнего. Святая карточная простота. Он сидел неподвижно, его монолитности позавидовала бы любая античная статуя из коридора. Старый музыкальный автомат, прятавшийся в темном углу, затрещал и завел пластинку Синатры. Музыка казалась бесконечной, как и Туз Червей, вальяжно перемешивающий перед нашими лицами колоду новеньких атласных карт. Мой взгляд пытался, словно рентгеном, пронзить красные рубашки картишек и выяснить, где же тот туз, что нужен нам. Тяжелый вздох, и я вытаскиваю свою карту. Туз крести...

Не повезло. Еще одна попытка у Боба. Наш последний

шанс. Боб смотрел одним глазом на колоду карт, веером развернутую в морщинистых руках Туза, второй глаз был прикрыт, из него текла желтоватая субстанция. У уголков рта свисали слюни, он ехидно улыбался, не сводя одного открытого глаза с колоды. Ловким движением руки он вытащил туза червей. И в комнате раздался гогот его звонкого смеха.

Туз Червей медленно поднялся со своего стула и наклонился над игральным столом. Кожа на его лице еще больше сморщилась, словно разорвавшись, из нее образовалось некое подобие рта с гнилыми острыми зубцами. Тошнотворное зрелище, мягко говоря. Но удача была на нашей стороне, мы ждали своего ответа. Туз долго молчал, словно набирая воздуха. Потом он все-таки сказал, что Дэн в большом белом доме без дверей. Внутри! Достав из своего кармана зеленую мармеладку, покрытую волосами, он отдал ее Бобу.

– Победителю достался приз! – После этих слов его богохульный рот свернулся в единую кожу. Он вышел из комнаты. Пластинка Синатры наконец остановилась. Боб гордо поднял свое лицо, он был единственным обладателем еды, наверно во всем Плутон Сити.

Нет, думаю нам пока очень везет, я все еще жив, даже после встречи с Тузом, но прежде чем идти к большому белому дому без дверей, обязательно нужно заглянуть в еще одно местечко.

Глава 6. Утомленные солнца

На самом деле на Плуtone два солнца и две луны, мертворожденные клоны друг друга, но на небо долго не стоит смотреть и искать их. Голова кружится от различных мыслей. Что наши повседневные мелочи по сравнению с нежно-холодной бесконечностью. Смотри на мертвое небо Плутона, видишь, как злобно в безумной пляске и водовороте дует ветер, который несет и перемешивает охристые облака, так похожие на лица людей. Мы далеко от солнц, и в те дни, когда мечтам приходит конец, взгляд на растерзанное небо Плутона выбивает уже последние капли энергии, поэтому никогда долго не смотрите в небо Плутона. Чувство такое, как когда мочишься в бассейн. Молча, застыв, с прозрачным взглядом, можно смотреть в уходящий рваный горизонт бесконечно. Как только вы начнете проглатывать язык и ваши глаза будут заворачиваться в сторону раскисших мозгов, то вам, мягко говоря, хана. Домой вы уже не вернетесь, поэтому, вместо того чтобы смотреть вверх, смотрите себе под ноги.

Я, конечно же, не удержался и немного посмотрел на небо. Дыхание вселенной заставляло вертеться созвездия. В веселом вертепе раскручиваются вновь и вновь все новые вереницы звезд. Невольно задумываешься, кто же создал этот Плутон. Диковинную помесь химии и фантазии. Столь ужас-

ное и одновременно дивное место. Безумец создал его, не иначе. Много слухов и трактовок было по этому поводу. Частенько говорили, что Плутон был сделан простым крестьянином из Южной Америки, который впоследствии стал бессмертным и не знал себе равных. Он узнал секреты шаманов древних племен и поделился ими с человечеством. Говорили также, что его синтезировал сам Бог, просто как игрушку для простых смертных, но и в это никто не верил, слухов было многовато, от рептилоидов до потомков колена Адама. Слухи. Слухи. Да они уже были не важны никому, Плутон появился и до сих пор существует, и никто этого уже не изменит. Это главное!

Дойдя до своей цели, мы увидели мрачные развалины и медленно гниющие здания в безлюдном месте. Боб прилег у входа, никуда идти он не собирался, устал, бедняга. Дверь была не заперта, вернее, то, что осталось от двери. Извилистая фиолетовая лестница вела меня вниз, все ниже и ниже. Торопясь и спотыкаясь, я спускался все дальше и наконец вошел в темный подвал. Опять меня окружает Тьма, даже там, где ее быть не должно. Но теперь я не боюсь ее.

Холод был повсюду, его можно было потрогать рукой. Мрак, паутина, зловоние... В самом центре подвала стояла огромная высокая коробка, освещенная медленно раскачивающейся старой лампой прикреплённой к бесконечно мрачному потолку. Я не боялся темноты, царившей вокруг меня, я шел к этому тусклому и одновременно чарую-

щему источнику слабого механического света. Перед глазами стоял огромный старый видеоигровой автомат, издававший восьмибитные пищание звуки, которые ловким образом сводились моим слухом в колыбельную мелодию.

Я сел на ледяной пол и молча смотрел, как мелькают яркие картинки и мигает теплым ламповым светом выпуклый экран. Мне казалось, это было единственное спокойное место на всем Плутоне, на всех его бескрайних безжизненных просторах, где бродят сотни потерянных земных космонавтов. Именно здесь, в темном подвале, под светом старой лампы, стояла машина спокойствия, машина умиротворения, машина времени. Аппарат, который я где-то видел, смутно и нечетко, но я его помнил, где-то в подсознании. Это место было моим личным секретом, даже Боб и Дэн про него ничего не знали. Как я его нашел? Один мой покойный приятель рассказывал про этот подвал всякие байки. Доверяй, но проверяй, как говорится.

Я всегда смутно помнил очертания автомата. И эту музыку. Тыц-тыгыц-тыццы-тыгыц-тыц. Она была удивительно красива и примитивна. Словно окутанный забвением, я сидел перед этим старым игровым автоматом. Пол был холодный, я дрожал уже всем телом, но мелодия не отпускала меня. Мне казалось, что в играх на мониторе мелькают знакомые мне лица, я вижу события моего унылого прошлого и, наверное, ближайшего будущего. Чарующая вереница картинок. Но мелодия... Какую же красивую мелодию он иг-

рал. Об одном жалею, что не могу записать ее или воспроизвести на Земле. Это была мелодия из тех, что будешь напевать весь день, при этом ни разу не попав в ноты и даже близко не подобравшись к ее исконному звучанию. Мелодия заставляла меня верить, что еще есть надежда. Надежда, что все еще хорошо, но обязательно уже очень скоро будет опять плохо. Но потом снова обязательно когда-нибудь все должно наладиться. Я стал подпевать.

Удивительный музыкальный гипноз, закончился так же резко, как и начался. Автомат перестал работать, а на экране появилась мигающая яркая надпись: «Ты выиграл!» Автомат выплюнул одну большую золотую монетку, я попробовал ее укусить. Не знаю зачем, просто видел, что так делают в фильмах. Монетка оказалась на редкость невкусной, во рту появился привкус крови. Зубы вроде были целы.

Боб ждал меня на поверхности. Его распластавшееся тело лежало на острых камнях, взгляд сверлил небеса. Похоже, парень замечтался в поисках двойников местных светил. Пришлось силой направить его голову к Земле, иначе я его навсегда потеряю. Нигде, кроме как на Плутоне, можно так предаваться мечтам и грезам. Большинство космонавтов берут билетики сюда, только чтобы на короткий промежуток времени отдаться своим мечтаниям. Но это все обман. Как и сам Плутон! Все это ширма, за которой вселенская пустота. Глубокая черная бездна, из которой не выбраться. Я все больше начинал жалеть, что взял свой очередной билет на

Плутон. Как бы он не оказался билетиком в один конец. Боб медленно встал и, пошатываясь, отправился со мной дальше. Больше он на небо не смотрел.

Глава 7. Белый дом

Мы долго плутали. Не знакомые места. Голова кружилась. Ноги ныли. Вскоре показалась арка. Мы вошли. На трухлявой деревянной скамейке восседал старый кубинец и брэнчал на гитарке песенку про своего команданте. Двор был ярким и цветным. Чистые цвета, синий, желтый, красный, зеленый, тут не было ни полутонов, ни даже теней. В этом дивном месте пахло масляными красками и бензином. Глаз радовался, дворик словно сошел с чьих-то живописных полотен. В нем было тепло, но нигде не было солнца. В нем было хорошо без причин и следствий. Однако ни я, ни Боб не помнили, как мы сюда попали. Жалко, я не знал про это уютное место раньше.

Кубинец играл, не переставая, словно от игры зависла его жизнь. И жизнь команданте сражавшегося с империалистами. И каждый удар по струне был похож на биение его дряхлого сердца. На наш вопрос, как нам попасть внутрь Белого дома на окраине Плутон Сити, кубинец хмыкнул и пропел плачущим голосом:

– Мармеладку бы, тогда я вам подсказал бы...

Боб с недовольным видом положил перед кубинцем зеленую мармеладку. Он не хотел с ней расставаться, даже слезы на глаза навернулись, но помочь Дэну было просто необходимо! Кубинец облизнулся и пропел...

– Чтобы войти в Белый дом, нужен вам особый лом... У зрителя кладбища красного кирпича есть ответы, поспешите скорей ту-да-а-а... да, да, да... В центре там стоит дом, в нем найдете свой ло-оооо-ом... – Некоторые звуки старик специально растягивал, словно издеваясь над нами.

К сожалению, это было все, что он смог сказать, вернее, пропеть. Он продолжил играть и бормотать что-то себе под нос, не сводя глаз с зеленой мармеладки. Боб хотел было нагло забрать ее, но я его остановил. Мы вышли на просторную улицу с вереницей одинаковых домов с лепниной в стиле раннего барокко. Кое-где виднелись большие и маленькие башенки с пустыми бойницами и решетками на них. Интересно, кто заточен в этих темницах? Зеленоглазые принцессы с прекрасной нежной светлой кожей или огнедышащие драконы. А может, и те, и другие одновременно? Мы завернули за угол, прошли всю Кататония-штрассе, и перед нами появился кривой чугунный забор, за которым виднелись острые красные пятна, игриво расплывающиеся во весь горизонт. Когда мы подошли поближе, перед нами предстали груды искореженного кирпича, они возвышались маленькими холмиками, кое-где на горизонте даже виднелись большие кирпичные курганы. Наверное, там лежали воины, когда-то погибшие в городских боях. Здесь все говорило о войне. Идти было тяжело, то и дело под ноги попадались острые как ножи камушки, осколки красного кирпича, чьи-то белесые обглоданные кости. Это было огромное кладбище

битого камня и битых человеческих судеб. Даю голову Боба на отсечение, во всем этом поле каменной разрухи не было ни одного целого кирпичика. Кубинец пропел, что где-то в центре этого кладбища красного кирпича находится дом смотрителя, туда мы и тащились, обходя сотни заостренных препятствий, чтобы найти мифический лом и с его помощью попасть в дом, где нет ни окон, ни дверей. Меня всегда бесило, что люди здесь частенько говорят странными фразами, которые надо как ребус разгадывать, нет бы просто сказать: иди туда, принеси то...

Вот показался холм с разбитой надгробной плитой, а за ним еще с десятков таких. Это уже напоминало лабиринт. Мы еще долго блуждали среди безжизненного каменного пространства, пока не вышли к маленькому гнилому черному домику. Оттуда доносились звуки классической музыки. Дом трещал и подпрыгивал с ней в такт. Дверь была не заперта, и мы вошли внутрь. Перед нами отплясывал и извивался странный бородатый мужик с ехидной улыбкой. Старый патефон хрипел и стонал, словно подыгрывая дерганию недалекого бородатого танцора. Глаза безумного смотрителя кладбища красного кирпича словно сверкали искрами, красными, как тот самый битый кирпич. Он прыгал и носился по своему домику, пританцовывая под венгерский танец Брамса. Держа в руках воображаемую партнершу, он все крутился и крутился, пока резко и неожиданно не остановился, из его рта вырвалась фиолетовая блевотина. Грязным рукавом

он вытер свое лицо, плюнул в угол и хитро улыбнулся. На заднем фоне где-то печально зашипел патефон, и странный танцор-смотритель лукаво подмигнул нам!

– Я знаю, что вам надо, космонавты! Мне об этом снятся! Я все знаю. Все! Все. Все...

Он начал рисовать на большом куске папируса некую схематичную карту, где были линии, изгибы и крестик, сочный большой крестик, над которым написал: «Лом»...

– Идите туда и все сами найдете, а главное – поймете!

Патефон словно харкнул, снова захрипел, и танцор, словно взбесившись, начал носиться по дому, изображая подобие танца. Откуда силы у этого старика? Новый вид билетов на Плутон? Смотритель в итоге ничего не попросил взамен, просто помог. Как же приятна мысль, что тебе готовы помогать почти безвозмездно.

Среди кирпичных курганов ориентироваться было тяжело, они были похожи друг на друга как две капли диетической кока-колы. Но на карте благо был даже указатель – квадратик с рожицей над курганом. Этот необычный холм со скульптурным изваянием мы заметили сразу же, от него найти дорогу было проще. Цель наша, наконец, была найдена – маленький невзрачный бугор из все того же красного кирпича и торчащей повсюду арматурой. Неподалеку лежали лопаты, словно дававшие нам знак: копайте, товарищи, копайте!

Процесс был долгим и тяжелым, обломки кирпичей

разлетались в разные стороны со скрежетом переломанных костей. Мы пыхтели и ковырялись в этой куче больше часа, пока не наткнулись лопатами на что-то железное. Копнув глубже, мы все же нашли свой лом. Своеобразный, конечно, но, похоже, очень действенный. Мы с большим трудом вытащили искаленную артиллерийскую пушку из кирпичной могилы. Внутри ствола находился заряженный пороховой заряд. Если он не отсырел за годы заточения в кирпичной гробнице, то это будет девятое чудо света. Восьмое, как вы знаете, это сам Плутон.

Действительно, вот он истинный лом для дома без дверей и окон, мы просто разнесем в клочья стену и зайдем внутрь. Боб на своем горбу потащил пушку к Белому дому, я же продолжил свои блокнотные записи.

Глава 8. Клон Бога

Путь был не близкий, нам предстояло опять пройти весь Плутон Сити и вернуться практически к самому входу. По пути мы увидели, как очередная толпа проводила в железном ящике хорошенькую девушку, дергающуюся не в такт песнопениям безумной топы и безликих танцоров. Мимо нас промчался огромный черный грузовик, на котором была приварена маска зеленого монстра, он погудел своей трубой нам вслед, словно приветствовал и прощался одновременно. Редко на Плуtone встретишь работающую технику, скорее всего, это было чье-то купленное воспоминание. В моем животе начало просыпаться маленькое чудовище с безумным нестерпимым голодом. Мы с друзьями шутливо называли его глист Вася. Но его появление сигнализировало исключительно то, что пора домой, на Землю. Это дурной знак, надо скорее найти Дэна, мы должны вернуться вместе, не разрывая цепь путешествия.

Маленький и мерзкий очкарик сидел на офисном кресле посреди огромной грязной улицы. Глаза его бегали, словно пытаясь прийти первыми на стометровке. На коленках он держал залитую засохшим розовым йогуртом клавиатуру. Он улыбнулся нам и сразу начал нажимать на клавиатуре кнопку «Delete». От этого его зубы просто удалялись. Быстро и без боли. Одно нажатие, один зуб. Потом с помо-

щью той же клавиатуры он точно так же их вставлял обратно. И так несколько раз. Кого только не встретишь на Плутоне... Бобу было тяжело. Я помогал как мог. Хотя мне казалось, пушка невесома.

За углом Ректал-штрассе появился силуэт белого исполина, это означало, что мы медленно, но уверенно приближались к нашей цели. Шажочек, за шажочком. И вот мы наконец подошли вплотную к Белому дому без окон и дверей. Странное место, и что же в нем привлекательного для прибывших сюда? На этот вопрос не было ответа, а только возникали еще более сложные вопросы. Боб еле-еле дотащил пушку. Толпа зеленых космонавтов, окружавших Белый дом, при виде этого оружия разбежалась во все стороны и овраги. Кто-то спрятался в ближайших развалинах, кто-то просто лег на землю и заплакал. Я и не думал, что оружие может произвести такой эффект, тем более здесь, на Плутоне.

Боб навел ствол артиллерийского орудия прямо на белоснежную высокую стену. Осталось только придумать, как поджечь фитиль. Найти огонь было чрезвычайно проблематично, особенно при том, что на Плутоне огонь не просто в дефиците, это опасная редкость. И тут меня осенило: перед самым отлетом на Плутон я положил зажигалку на книжный столик, прямо рядом со мной. Осталось только набраться сил и нащупать ее. Среди книг, коллекционного диска с игрой Могучий Опарыш Джо и геймпадов от последней Соньки, я

все же отыскал заветное огниво. Готов поклясться, что зажигалка была раскалена, как солнце. Я с трудом передал обжигающую зажигалку Бобу. Он, подбрасывая и жонглируя ею, как горячей картошкой, но все же ухитрился поджечь фитиль.

Стоя практически рядом с пушкой, мы с огромным изумлением смотрели, как медленно тает объятый пламенем фитиль. Ш-ш-ш, ласково говорил он нам. Мы зажали пальцами уши, и ба-бах! В облаке приятного терпкого дыма и белоснежных осколков появился аккуратный круглый проход в дом без дверей. Мы не стали ждать, когда облако пыли осядет, и рванули внутрь.

Белая комната светилась спокойствием. Только дымок и куча осколков портили утопическую архитектурную идиллию. Едва я переступил порог Белого дома, как вдруг сразу нахлынули воспоминания. Короткие, сочные, бессмысленные. Вот я стою на кухне, ярко освещенной полуденным солнцем. Мне снова шесть лет. Я один дома. Я смотрю на макушку огромной яблони, растущей прямо под окном четвертого этажа. Из своего окна я мог видеть только крону этого дерева. Но мне этого хватило, чтобы загореться страшным безудержным желанием прыгнуть на мягкие ветки. Они мне казались частью огромного зеленого шара. Я думал, что ветки не дадут мне упасть на землю. Прыжок с раскрытыми от счастья руками. Вздох полной грудью, закрытые глаза от теплого уютного солнца и улыбка до ушей... Как быстро при-

шли воспоминания, так еще быстрее они ушли. Я обнаружил себя в белой комнате, где на кресле-качалке раскачивался до боли знакомый мне человек. Только теперь он был седым стариком в одежде Дэна. Старик сказал, что не хочет больше никогда улетать с Плутона, потому что боится. Он боится земных ученых, которые возьмут и найдут ДНК Христа. И в их зверских атеистических мозгах зародится идея вернуть на грешную Землю нового Иисуса, но клон уже будет не сыном Божиим. Антихрист это и есть клон Бога. Дэна было не узнать. Он постарел и обессилел. Вот он, секрет этого проклятого Белого дома. Попавший туда, уже никогда не выберется обратно прежним, если вообще выберется. Мы схватили его под руки и силой вытащили на улицу. То ли мрачный вид окрестностей, то ли открытое пространство повлияло на Дэна. Он чуть взбодрился, даже стал понемногу молодеть. Одно можно сказать точно: вовремя мы за ним пришли. Теперь нам оставалось только найти способ выбраться с Плутона и, надеюсь, никогда больше не возвращаться.

Глава 9. Велком ту зе Тартар

Глубокий вздох... Главное – не думать о еде!

Мы бежали по пустыне. Воздух становился все тяжелее, словно наливался свинцом. Судороги в ногах стали более частыми, а это дурной признак. Мы ну Плутоне задержались уже на несколько часов дольше, чем должны были. Не иначе как изготовители билетов, что-то намудрили в своем подвале и дозировка превышена.

Плутон начал казаться куполом, под которым хочется навсегда заснуть. Я слышал про такое от тех, кто чудом здесь не остался, но когда сам вляпываешься в эти приключения, хочется отмотать время вспять и уже никогда не лететь сюда. Здешние пустынные места ласково прозвали Тартаром. Пустошь без всего. Думаю, это самое лучшее название для безжизненного, жестокого и бескрайнего пространства. То и дело спотыкаясь о мелкие косточки, торчавшие из песка, мы все же добрались до маленького оазиса. Там не было озера с прекрасной освежающей водой, вместо этого нас ждала лужа с зеленой светящейся жидкостью и одинокая обуглившееся березка. Оазис в Тартаре не мог выглядеть по-другому.

Господи, как же мне хочется есть. Жрать все, что угодно. Чувство голода непреодолимо. И именно тут, как назло, я начал чувствовать запах еды. Он напомнил мне ту жрат-

ву, которую я когда-то так долго искал. Чертов оазис, скорее всего, он порождал вкусовые галлюцинации. Но сейчас я был не против, дело в том, что много лет назад я попробовал удивительный бургер в маленьком курортном городке. Бургер, который запомнился на всю жизнь... Да-да, знаете, то самое банальное мифическое блюдо, о котором ты будешь рассказывать своим друзьям, захлебываясь слюной от воспоминаний о полученном наслаждении от этой еды! Наверное, такое блюдо есть в жизни у каждого человека. У меня, согласитесь, это блюдо было совсем не впечатляющим. Обычный бутерброд, скажете вы. Это был так называемый чилибургер с перчиком чилиипенью и какой-то дрянью в качестве острого соуса, в серединке уютно расположилась смачная свиная котлета и гора разных овощей. Меня всегда бесило то, что в фастфудах был передоз овощей и салата, и из бургера все вываливается. Кто-то не знает меры или делает все наспех, но вот именно тот бутерброд был идеальным. Идеальным, конечно, только для меня, потому что я чертовски люблю острые блюда. Но то, что было в этом бургере, не сравнится ни с какой острой добавкой. Этот был бутербродом самого дьявола. Я ел его и понимал, что весь горю, покрасневшие глаза слезились, язык распухал, пот тек в три ручья, но я его ел словно замороженный. Его запах был настоящим неподдельным гипнозом. Вдохнув его, уже нельзя было остановиться. Вы не представляете, насколько он был острый. Словно все рецепторы разом взбесились и подожгли

себя напалмом. И двух литров воды не хватило заглушить пламя от этой пицци падших богов. Как банально это ни звучало, такое блюдо мне больше не удалось испробовать, хотя в той же забегаловке подавали все тот же чилибургер, но каждый раз он становился все преснее и слаще. И вот, коварство судьбы или самая настоящая подлянка, но именно сейчас, когда я почти сбежал с Плутона, он настиг меня. И этот гипнотический запах тянул меня назад в Плутон Сити. Там была моя мечта, моя вкусовая идиллия. Повернуть назад означало бы навсегда остаться в этом месте, предавшись забвению. Но мои друзья вовремя спохватились и повалили меня на холодный и влажный песок. Я, конечно, для приличия, попытался несколько раз вырваться и даже пустил в дело свои зубы. Но Боб, вовремя поняв, что надо делать, зачерпнул ладонями склизкую жижу из псевдооазиса и заставил меня выпить эту мерзость. Но вкус она была похожа на сгнивший рыбий жир, от нее в глазах сразу потемнело, но все же, справедливости ради стоит отметить, гипнотический запах испарился.

Я записал в свой блокнотик историю про лечебный гнилой оазис, и мы отправились дальше, ведь на горизонте уже всюю маячили темные деревянные строения. Издалека они казались развалинами старых избушек, но чем ближе мы к ним приближались, тем отчетливее я видел старую паровозную станцию. Неужели паровоз это единственный способ выбраться с Плутона? Куда он нас увезет, на грань сознания?

У практически развалившегося перрона стоял исполинский медный знак. На нем было выгравировано небольшое стихотворение:

*Весь мир есть причудливый сон,
В нем каждый рожден слепцом.*

Глава 10. Станция

Итак, вот она, та самая мифическая и долгожданная станция N. Я никогда не слышал, чтобы кто-то бывал здесь ранее, возможно, мы первые, кто забрался так далеко. И это пугает! Хотя если я слышал байки о ней, значит кто-то тут бывал раньше? Иначе быть не может.

Мы зашли в гротескное здание вокзала, там было холодно и страшно. Я почему то точно знал, что туда никто никогда не заходил, и мне было даже немного приятно осознавать, что мы первооткрыватели этого места. Опять я увидел тьму перед глазами, тьму, которой на Плутоне быть не должно. Во мраке зала ожидания нас ждало что-то нечеловеческое, не от мира сего. Наша сущность – тот чертов антагонист, который жаждал встречи в зеркальном отражении. Но тот, кто нас ждал в этом месте, оказался гораздо страшнее всего, что можно было представить или описать словами. Я узнал его с первого взгляда: однажды на Земле мне уже приходилось с ним сталкиваться. Такие встречи запоминаются на всю жизнь, какой бы длиной она ни была.

Видел я его пару лет тому назад. Как сейчас помню, сижу на скамейке и жду свой поезд, гляжу в голубой и далекий купол неба. По перрону бродят серые шинели. До прихода поезда остаются минуты. Тик-так, тик-так, смотрю на часы, время тянется невыносимо долго. Улица уже принима-

ет тепло солнца, но промозглая зима, местами вцепившаяся в ландшафт своими белыми когтями, и не собирается отступать и сдавать свои ледяные позиции. Мысли тяжело ворочаются в заспанном мозгу. Но именно тогда я подумал: когда остаешься один на один со своим я, от многих вопросов уже не отвертеться. Добро и зло оттеснили другие думы. И стоило мне только задуматься на эту тему, как рядом со мной сел какой-то человек.

– Думаете о зле? – спросил он с ходу.

Пытаясь понять, что за человек сидит со мной рядом и пронзительно смотрит мне в глаза, я почти минуту не мог сказать ни слова. Наглый собеседник был удивительно похож на многих людей, которых я знал. Представьте, что перед вами сидит человек, олицетворяющий всех сразу, его невозможно описать словами или найти в его чертах что-то необычное. Выйдите на самую оживленную улицу и смотрите в толпу. Он такой же, как все, его никогда не выделишь среди других, это серое отражение масс, бродящих по улицам наших городов. Легион похожих. Трудно говорить с человеком, которого никогда не запомнишь в лицо, не вспомнишь и не узнаешь. Он повторил:

– Вы думаете о добре и зле?

Немного придя в себя после очередного вопроса, я еле-еле промолвил:

– Нет, с чего вы взяли?

– Мысли выдают тебя, мой друг! – С каждым его новым

словом я все больше входил в шоковое состояние.

– Мне кажется, вы ошиблись, мы с вами не знакомы, я никак не могу быть вашим другом!

– Может быть, и так, но послушай меня. То, о чем ты так усердно думаешь, всего-навсего устаревшая и навязанная мораль строгого мира. Есть не только добро и зло, есть еще один игрок этой блеклой борьбы – надменность. Белое, черное и самое необъятное серое. И, поверь мне, в этом мире все гораздо страшнее, чем кажется, и тем гораздо проще. Не приписывайте злу все грехи, во всем виновата надменность, человеческая надменность делает действие, за которым приходит всемогущее зло, а оно наказанием и муками дает путь добру. Не вини зло в деяниях, зло чистит и забирает с собой тех, кто не смог очиститься сам. Серость, которая стремится породить серость. Без зла не будет и добра, прими этот мир как данность, ведь только твой личный путь решит, к чьей из трех сторон ты присоединишься в конце.

Совсем близко послышались гудки прибывающего к станции поезда. Станный человек резко встал и подошел к краю перрона. Я словно прилип к скамейке, я впервые в жизни не хотел даже пошевелинуться. В голове жутко гудело, я просто смотрел в сторону незнакомца. Он обернулся и громко сказал, что мы еще обязательно встретимся. Поезд издал резкий гудок, символизирующий прибытие на станцию. Двери распахнулись, незнакомец медленно вошел в вагон и обернулся. Его глаза пристально смотрели на меня, по-

ка не закрылись двери и состав отправился дальше. Проводив взглядом новенькие сине-красные вагоны, я вдруг очнулся от ступора, в который попал после неожиданного разговора, из-за него я еще и пропустил свой состав. Как оказалось, в этом направлении в тот день больше не было ни одного поезда. Но самое странное и страшное произошло после. Тот самый состав, который я ждал на перроне, сошел с рельсов. Машинист был пьян и перепутал рычаги на опасном повороте. В катастрофе погибло много людей, очень много, и кто знает, может быть, именно среди них должен был оказаться и я? Или человек который похож на всех и каждого...

И вот этот самый безликий и такой знакомый человек стоит передо мной здесь, на Плутоне, в самом дальнем захолустье, на станции N. Во тьме. И он так же холодно смотрит в мои глаза. Точно так же, как когда-то в реальном мире.

– Давно не виделись, да?

Я опять потерял дар речи, но, собравшись с последними силами, хриплым голосом обратился к нему:

– Кто вы такой? Почему вы преследуете меня?

Его ответ был молитвенно-монотонным и неожиданным.

– Я просто тот, кого вы называете Смотрящим. Я всюду и всегда с вами, но, так как вы зашли уже слишком далеко, мне надо было появиться и сказать последнее напутствие!

Я встретил Смотрящего! И в жизни, и на Плутоне, как же такое могло произойти с одним человеком? О, дивная

страна грез, фантазий и галлюцинаций, ты не перестанешь меня удивлять!

– Вам нужен поезд до высоких гор, он скоро прибует по расписанию. Ты сразу же его узнаешь, ты его видел однажды. Помнишь, тогда, на станции, ты в него чуть не сел? Теперь, дружок, придется сесть, иначе никогда отсюда уже не выберешься, пришло время делать выбор, – с этими словами силуэт Смотрящего растворился во тьме.

Вокзальный холл стал еще мрачнее, мы втроем поспешили выйти на улицу, туда, где был яркий свет и виднелся рваный скалистый горизонт. Ну что же, вот и конец нашего пути, я стою на перроне и вижу, как вдалеке сверкает приближающийся состав. Поезд, выкрашенный в красно-синий цвет, блестел на тусклом солнечном свете под рваным куполом Плутона. Правда, в этот раз он состоял только из двух вагонов, на которых была изящно начертана надпись «Адреналин». Состав, который нас вывезет отсюда. Наш путь на Плуtone заканчивается, я безумно рад этому.

Поезд остановился, издав до боли знакомый сигнал.

Двери открылись, и мы зашли в меблированный вагон для бизнес-класса. Красивые бархатные диваны, стены с витиеватыми узорчатыми рисунками, яркие лампы, в вагоне было тепло и уютно. Мы уселись на диваны и позволили багровому бархату поглотить нас. Я достал свой порядком исписанный блокнот и продолжил свои записи. Осталось всего несколько чистых страничек. Надо обязательно все запи-

сать. Столько историй придется рассказать другим Космонавтам...

Глава 11. Паровоз до рая

Поезд медленно отошел от станции N. Вместо привычных гудков из его чрева раздался кашель, на крыше появилась классическая паровозная труба, но вместо горячего пара она выбрасывала кровавые слюни. Так, кашляя и причмокивая, наш спасительный состав стал постепенно разгоняться. За окном замелькали пустынные просторы пустоши, на которых изредка можно было увидеть одиноко бродящих космонавтов. Испуганные и потерянные, они слонялись в пустоте. Мне жаль этих людей, так же, как жаль и себя, и моих друзей. Они вероятно тоже искали свои станции N.

Чух-чух-чух! Кхе-кхе-кхе!

Мы неслись в сторону скалистых гор, туда, где есть край сознания Плутона, долгожданный выход. Двери в тамбуре залязгали, и к нам в вагон зашел проводник. Одет он был в темно-синий костюм с красной бабочкой, на фуражке красовался в качестве значка медицинский крест, опоясанный улыбающейся змеей. Я уже не ожидал других вариантов. Я знал проводника, вернее, когда-то много раз его видел там, на Земле. Плутон вновь и вновь подкидывает мне встречи со знакомыми, это немного начинает раздражать. Зачем эти образы, когда выход так близко...

Кем был этот проводник? Он – человек, который незаметно жил и так же незаметно исчез. Звали его Слава. Он был и юродивым, и обычным человеком одновременно. Рассказать про его жизнь мне нечего. Жил, учился, вероятно, где-то подрабатывал. Всюду встречал злобные взгляды, порицание и тихую потаенную ненависть к своей персоне. Слава был наивным добряком, который совершенно бескорыстно следовал своей идее фикс, мифическому идеалу, который он себе сам и внушил. Возможно, конечно, мысли о бескорыстной помощи были почерпнуты из книг, а может, из сказочных фильмов. Никто не знал этого и уже никогда не узнает. Первый раз я увидел этого необычного человека больше десяти лет назад. Возвращаясь домой из своего института, я обратил внимание на странного человека в грязном желтом пальто, который стоял у самого начала эскалатора в метрополитене. Он что-то яростно говорил людям, скопившимся вокруг него. На вид ему было около тридцати пяти. Темные сальные волосы образовывали на его голове причудливую корону, синяки под глазами говорили о его постоянной бессоннице. Он продолжал кричать людям:

– Идите на второй выход, этот выход закрыт... Час пик!

Сначала я не придавал этому значения, ну, может быть, это просто городской сумасшедший схватил весеннее обострение, и спокойно прошел мимо чудака. Потом я заметил, что практически каждый рабочий день, когда на часах было 18:00 и выход из второго вестибюля метро закрыт в

связи с городским часом пик, у подножья неработающего эскалатора появлялся этот человек. Каждый день как часы, его не было только в выходные и праздники. В течение пяти последующих лет он ходил туда, как на работу. И знаете, что он делал? Он самозабвенно предупреждал людей, что выход закрыт и надо идти в другую сторону. Слава выбрал для своих подвигов поистине странный способ воплощения. Это был никому не нужный герой метрополитена. Маленький человек с душой рыцаря. Он каждый день, как по долгу службы, обязательно приезжал к этому эскалатору. Все, чего он хотел, это говорить людям, что нужно идти в другую сторону. Голгофа метрополитеновского героя. В этом он видел свое призвание, свой смысл безрадостной жизни. За пять лет его гардероб не менялся, хоть и выглядел он, мягко говоря, как человек, нуждающийся в деньгах, он не смущался, а гордо стоя, выпятив острый подбородок. Все это время он сталкивался с непониманием и агрессией, его избивали хулиганы, его пытались избить и выкинуть из метро и сами работники метрополитена. Но на следующий день, зализав свои раны, он вновь возвращался на свой некому не нужный пост. Бороться со своими подземными ветренными мельницами. И так было каждый рабочий день.

Работники станции, в итоге поняв, что он не опасен, перестали обращать внимание на этого юродивого и негласно позволили ему спокойно стоять у закрытого эскалатора. Но, как оказалось, его подвиги простирались дальше, не только

на разъяснения людям графика работы эскалатора. Однажды мне было суждено увидеть его в еще более странной ситуации. Зайдя на одну из станций, я увидел всего того же героя в грязном пальто. На этот раз он предлагал хорошеньким девушкам пройти бесплатно через турникет с помощью его проездного. Вот он, Дон Кихот двадцать первого века. Вместо ветряных мельниц – неработающие эскалаторы, вместо злобных драконов – турникеты, требующие денег с милостивых девушек за проход в метрополитен. Шизофрения? Возможно, так и было, но Слава был уверен в своих идеалах. Но, как это часто бывает с героями, коварная судьба все же вмешалась в его приключения. Если с людьми Слава мог справиться и мог преодолеть непонимание и антипатию, то с городскими властями справиться было ему не по силам. Нет, они его не трогали, они, как и большинство жителей нашего города, даже и не знали, что он существует. Просто городские власти решили больше не закрывать эскалатор в час пик.

На этом история славных подвигов рыцаря метрополитена закончилась. Я видел его еще целую неделю, сидящего на лавке возле работающего эскалатора. Он грустно смотрел, как люди бегут по своим делам. Бегут мимо. Вскоре он исчез, исчез навсегда. Просто его помощь была уже никому не нужна. И вот теперь я встречаю его в своем спасительном поезде. Теперь он проводник. Как он здесь очутился? Хотя это уже меня не волнует, я привык, что на Плутоне все бы-

вает, пора уже перестать удивляться.

Он медленно подошел к нам, прокашлялся и громко сказал:

– Господа, предъявите, пожалуйста, билеты!

Покрывшись ледяным липким потом, я ответил:

– У нас нет билетов, нам просто негде было их купить...

Проводник задумался. Но через несколько секунд улыбнулся:

– Это не проблема, господа, вы можете приобрести билеты у меня!

С этими словами он достал из кармана своего костюма пачку блестящих золотых билетов.

– Одной монеты будет достаточно, господа!

Дзынь!

А я и забыл про монетку из игрового автомата, лежащую в моем кармане. Вот он, наш спасительный билетик. Вернее, эту монетку я обменяю на три билетика.

Я отдал ему монетку, и, конечно же, Слава сразу же попробовал ее на зуб, что-то с хрустом треснуло, и проводник улыбнулся.

– Вот ваши билеты, господа! Приятного путешествия! Граница уже скоро.

Он уже уходил, как раздался звук мерзко запищавшего будильника. Техническое пи пи-пи-пи, от таких звуков по утрам закладывает уши и выворачивает наизнанку. Слава посмотрел на часы, обернулся к нам и промолвил с грустным

ВИДОМ:

– Уже слишком поздно, господа, одному из вас придется сойти на границе. Мне очень жаль...

Проводник с понурым лицом покинул вагон, оставив нас наедине со своими мыслями. Поезд мчался уже по туннелям в острых горах. Мы смотрим друг другу в глаза, усталые, поникшие, налитые кровью глаза. И мы все прекрасно понимали. И то что опоздали, кто-то из нас должен остаться на Плутоне. Навсегда.

Я решил продолжить свои почеркушки, к тому же блокнот уже подошел к концу. У меня иссякли силы, я не хочу бороться и сопротивляться. Я теперь просто жду концовки этой затянувшейся истории. Это была моя идея. Моя дурацкая идея!

Глава 12. Финита ля трагедия

В нашей комнате появились посторонние люди. Я ощущал их движения, присутствие, отдаленные голоса. Сначала как жужжание мух над сгнившим мясом. Потом, что-то членораздельное. Да. Это определенно были люди. И они были очень взволнованны. Похоже, они выбирали, кому из нас остаться, а кому вернуться. Они разрывали на наших телах одежду.

Прощай, страна грез, фантазий и галлюцинаций...

Прощай, фабрика пустоты.

Машинист всадил иглу в топку паровоза для последнего рывка.

Отсчет пошел: 6, 5, 4, 3, 2, 1. Разряд.

Прощай, Плутон!